

УДК 821.161.1.09."20"

А. В. Леденев
Дэн Фэлкон

<https://orcid.org/0000-0001-9069-9369>
<https://orcid.org/0000-0002-6181-821>

О шахматных прототипах романа В. В. Набокова «Защита Лужина»

Для цитирования: Леденев А. В., Фэлкон Дэн О шахматных прототипах романа В. В. Набокова «Защита Лужина» // Мир русскоговорящих стран. 2021. № 3 (9). С. 69-81. DOI 10.20323/2658-7866-2021-3-9-69-81

Статья посвящена обсуждению вероятных прототипов фигуры Лужина – главного героя романа В. Набокова «Защита Лужина». На основе изучения биографического и шахматного контекстов, анализа сюжетных компонентов текста романа, связанных с игрой, а также с учетом психологических аспектов шахматной истории начала XX века авторами обосновывается мнение о спорности представленных в набоковедении версий о прототипах образа главного героя. В качестве таких прототипов фигурируют известные в разные периоды прошлого шахматисты, которых объединяет с героем Набокова лишь одно сюжетно реализованное в романе обстоятельство – психическое расстройство в конце жизни. Авторами статьи приводятся и обобщаются новые, не учитывавшиеся прежде факты, которые так или иначе отражаются в тексте романа, а также сопряженные по времени и по месту действия обстоятельства шахматной истории и околошахматного мира, на основе которых выдвигается новая версия о том, что одним из прототипов «шахматной ипостаси» главного героя романа «Защита Лужина» мог быть российский (а позднее датский – по новому гражданству) шахматный гроссмейстер А. И. Нимцович, жизненная траектория которого не раз пересекалась с набоковской. Известный шахматный дебют «Защита Нимцовича» находит композиционные и мотивно-образные параллели в соответствующих сценах романа, а сама рефлексия повествователя (близкая рефлексии героя) о специфике шахматной игры вполне соотносится с шахматными идеями гроссмейстера Нимцовича, обобщенными им в книге «Моя система» (1925). Одним из крупнейших успехов Нимцовича стала победа на турнире в Карловых Варах (Чехословакия) в июле-августе 1929 года – в то самое время, когда Набоков активно работал над текстом романа «Защита Лужина».

Ключевые слова: В. В. Набоков, А. И. Нимцович, А. И. Лужин, мотив шахмат, персонаж, прототип, образ, шахматный дебют, шахматные задачи.

A. V. Ledenev, Dan Falcon

On the chess prototypes of Vladimir Nabokov's novel *The Defense*

The article is devoted to discussing the likely prototypes of the figure of Luzhin - the protagonist of V. Nabokov's novel *The Defense*. Studying the biographical and chess contexts, analyzing the plot components of the novel related to the game, and taking into account the psychological aspects of the early XX century chess history, the authors prove that the versions of the main character's prototypes presented in previous studies of Nabokov's works are controversial. Among these prototypes are the chess players famous at different periods of the past, sharing only one thing with Nabokov's hero – a mental disorder at the end of his life. The authors of the article present and summarize new facts, not considered before, which are somehow reflected in the text of the novel, and the circumstances of the chess history and the world around it taking place at that time. This data became the basis for a new version that one of the prototypes of the protagonist's "chess impersonation" in the novel *The Defense* could be the Russian (and later Danish – by new citizenship) chess grandmaster Alexander Nimtsovich, whose life path crossed Nabokov's more than once. The famous chess opening "The Nimtsovich Defense" finds compositional and motif parallels in the corresponding scenes of the novel, and the narrator's reflection (close to the hero's reflection) on the specifics of playing chess is quite consistent with Grandmaster Nimtsovich's chess ideas, summarized by him in his book *My System* (1925). One of Nimzowitsch's biggest successes was winning the tournament in Karlovy Vary (Czechoslovakia) in July-August 1929 – at the very time when Nabokov was busy working on the text of his novel *The Defense*.

Key words: V. V. Nabokov, A. I. Himcovich, A. I. Luzhin, chess motif, character, prototype, image, chess opening, chess problems.

Введение

Роман В. В. Набокова «Защита Лужина», как указывают его биографы и исследователи его творчества, был начат весной 1929 года во Франции, в маленьком курортном городке Ле-Булу, расположенном в предгорьях Восточных Пиреней, куда писатель приехал ловить бабочек для своей, впоследствии всемирно известной энтомологической коллекции (он начал собирать ее в возрасте 6 лет).

Изредка отвлекаясь на другие проекты, Набоков тем не менее ра-

ботал над романом очень интенсивно, так что к середине августа текст был близок к завершению. 15 августа он писал матери из Берлина: «Через три-четыре дня поставлю точку. Долго потом не буду браться за такие чудовищно трудные темы <...>. Все же я доволен моим Лужиным, – но какая сложная, сложная машина» [Бойд, 2001, с. 342]. Интересно, что завершающая фаза работы над романом совпала по времени с крупным международным шахматным турниром «Карлсбад», проведенном в г. Кар-

ловы Вары в Чехословакии (победителем турнира стал А. Нимцович, не проигравший ни одной партии и на пол-очка опередивший Х. Р. Капабланку, который относительно недавно, в 1927 году, уступил титул чемпиона мира А. Алехину. *(Заслуживает упоминания любопытный факт шахматной истории: на Всероссийском турнире мастеров, прошедшем в Петербурге в декабре 1913 – январе 1914 гг., А. Алехин и А. Нимцович разделили первое место. Шахматная карьера обоих российских игроков в то время быстро развивалась)*). В октябре 1929 года началась публикация романа в самом авторитетном журнале русского зарубежья той поры «Современные записки». Отдельной книгой роман вышел в 1930 году в берлинском издательстве «Слово» тиражом 5 000 экземпляров. С этим произведением Набоков вошел в мировую литературу как новая яркая звезда.

Вот что писала современница Набокова Нина Берберова, присутствовавшая на чтении 30-летним автором в Берлине первых глав романа в редакции «Современных записок»: «Огромный, зрелый, сложный, современный писатель был передо мной, огромный русский писатель...» [Берберова, 1996, с. 110].

За всю многолетнюю историю циркуляции в читательской среде роман не только приобрел статус «титульного» и одного из самых читаемых произведений писателя, но и стал предметом всесторонне-

го, скрупулезного изучения литературных критиков, филологов, литературоведов, психологов и врачей-психиатров самых разных стран мира. Ему посвящены монографии, диссертации, доклады, семинары, конференции, издаются сборники статей, организованы читательские и исследовательские клубы и общества.

В романе мастерски переплетены самые разные аспекты человеческой жизни, дан анамнез психического состояния главного героя на разных этапах его шахматного становления, передана атмосфера профессиональных шахмат начала XX века. При всей многогранности интересов писателя шахматы, как известно, были его страстью на протяжении всей жизни, а шахматная тема заняла особое место в его литературном творчестве.

Примечательно, что возвращение Набокова к российскому читателю после долгих лет цензурной «блокады» свершилось в «шахматном» контексте: в августовском номере журнала «64 – Шахматное обозрение» были представлены две страницы из романа «Другие берега» – тот фрагмент, в котором Набоков делится с читателями своим постоянным интересом к составлению шахматных задач [Шахматное обозрение, 1986, с. 25].

Образ главного героя романа Набокова «Защита Лужина» – профессионального шахматиста Александра Ивановича Лужина – привлекал и продолжает привле-

кать внимание не только историков литературы, но и специалистов из смежных литературе сфер – психологов и историков шахмат. Сам Набоков на вопросы о прототипе героя его романа отвечал, что это «собирательный образ». Тем не менее в набоковедении высказывались самые разные предположения о том, кто из видных шахматистов мог послужить прототипической основой для создания образа Лужина.

Нередко прототипом образа набоковского героя называют гротесмистера Акибу Рубинштейна (*Отметим еще один факт шахматной истории: бывшие подданные Российской империи А. Рубинштейн и А. Нимцович разделили первое место на международном шахматном турнире в Мариенбаде в 1925 году*). Однако даже поверхностный анализ шахматной и личной жизни этого польского шахматиста показывает, что такое утверждение не имеет под собой серьезного обоснования. Блестящее вхождение Акибы Рубинштейна в число ведущих шахматистов мира состоялось в России, во время Шахматного Конгресса 1909 года. На шахматном турнире, проходившем в залах Финансово-Коммерческого Клуба Петербурга, он вместе с действующим чемпионом мира тех лет Эмануилом Ласкером разделил первое место и поделил огромный по тем временам призовой фонд – 10 тысяч рублей. В число учредителей этого фонда

входили члены царской семьи, великие князья и сам российский император – Николай II. Репутация Акибы Рубинштейна как одного из сильнейших мастеров укреплялась до начала Первой Мировой войны, но потом постепенно пошла на убыль. Тяжелое психическое заболевание, которое привело этого выдающегося шахматиста к полной социальной изоляции в психиатрической лечебнице, не может служить достаточным основанием для того, чтобы считать его главным прототипом образа Лужина: сама болезнь стала прогрессировать в 1930-е годы – уже после выхода набоковского романа в свет, а звание международного гротесмистера было присвоено ему «по совокупности заслуг» только в 1950 году.

Другой часто упоминаемый претендент на роль прототипа образа Лужина – немецкий шахматный мастер Курт фон Барделебен. Эта версия, вошедшая в различные источники (причем без упоминания ее автора и отсылок к каким-либо документальным свидетельствам) зафиксирована в интернетовской «Википедии»: «В основе сюжета – история жизни аутистичного шахматного вундеркинда Лужина, в образе которого угадываются черты знакомого Набокова – Курта фон Барделебена». [Википедия, Защита Лужина...].

Сравнительно широкое распространение этой версии совершенно не соответствует реалиям жизни Набокова и Курта фон Барделебена,

как однозначно не соответствуют друг другу уровни игры Лужина (шахматиста, близкого к гениальности) и Курта фон Барделебена (в 1908 году он разгромно проиграл в Дюссельдорфе матч А. Алехину, сумев взять в пяти партиях только пол-очка). А вот суждение повествователя о шахматной силе Лужина: «Давно вошедший в разряд лучших международных игроков, очень известный, цитируемый во всех шахматных учебниках, кандидат, среди пяти-шести других, на звание чемпиона мира, он этой благожелательной молвой был обязан ранним своим выступлениям, оставившим вокруг него какой-то смутный свет, венчик избранности, поволоку славы» [Набоков, 2012, с. 25].

Как известно, летом 1922 года 23-летний Набоков после учебы в Кембридже переезжает в Берлин, чтобы взять на себя заботы о семье (три месяца раньше, в марте 1922 года, от пули террориста-монархиста погиб его отец). Курту фон Барделебену – шахматисту и психически неустойчивому брачному аферисту – в марте этого года исполнился 61 год. Какой могла быть почва для сближения молодого Набокова, не говорящего по-немецки, с психически нездоровым немцем, принадлежащим к другому поколению? До гибели Курта фон Барделебена в январе 1924 года (он выпал из окна при невыясненных обстоятельствах) – всего полтора года, занятых для Набокова житей-

ским обустройством в новой стране. Где и как, пусть гипотетически, мог общаться Набоков с Куртом фон Барделебеном?

Существует также мнение, что Набоковым в качестве прототипа «шахматного» образа Лужина использована трагическая судьба американского шахматного гения XIX века из Нью Орлеана Пола Морфи – автора феноменальных шахматных комбинаций, рано ушедшего из жизни и болевшего шизофренией...

Главная мотивировка для сторонников версий о прототипичности Акибы Рубинштейна, Курта фон Барделебена или Пола Морфи по отношению к образу Лужина – психическая неадекватность этих шахматистов.

Вместе с тем, мало внимания до сих пор было уделено множественным параллелям линий жизни и судьбы Владимира Набокова и гроссмейстера Арона Нимцовича, вне поля зрения исследователей оказалась хронология шахматных событий в Берлине 1920-х годов, да и серьезное сопоставление шахматных идей вымышленного героя и реального претендента на роль его прототипа все еще не проведено. Сам писатель говорил, что шахматная концепция, получившая название «Защита Лужина», придумана «самим героем» его романа, а оно, это название, и дало жизнь заглавию произведения.

По признанию Набокова, «обман в шахматах, как и в искусстве, – это только часть игры; это часть ком-

бинации, часть восхитительных возможностей, иллюзий...» [Набоков, 1991, с. 3]. Но разве возможная уловка в интервью, в котором было сказано, что название «Защита Лужина» придумано «самим героем», не может относиться к «шахматно-литературной» комбинаторике, включающей «восхитительные возможности» и «иллюзии»? Многие «шахматные» аспекты «Защиты Лужина», на наш взгляд, требуют более внимательного анализа. «Я уверен, что существует тесная связь между некоторыми миражами в моей прозе и тканью – как яркой, так и неясной – шахматных задач, магических загадок, каждая из которых является продуктом тысячи и одной ночи бессонницы», – пишет сам В. В. Набоков [Набоков, 1991, с. 2]. Применительно к этому высказыванию о «тесной связи между некоторыми миражами» и нервной пульсацией шахматной темы романа, первое «почему» возникает у внимательного читателя по поводу самого названия произведения. Почему из огромного числа названий стадий шахматных партий, комбинаций, ловушек, положения фигур на шахматной доске, различных шахматных терминов, собранных в шахматных словарях и, казалось бы, имеющих куда более броское, емкое, звучное имя, чем слово «защита», автором – шахматистом высокого уровня – все-таки было выбрано именно это – такое простое слово «защита»? (В англоязычном переводе романа автор использовал

сокращенное название, убрав из него фамилию героя: The Defense)

Атака. Жертва. Гамбит. Контргамбит. Забор. Гарде. Блокада. Вилка. Капкан. Засада. Ловушка. Матовая сеть. Открытая игра. Угроза. Связка. Пат. Цейтнот. Двойной шах. Эксцельсиор (*игровая ситуация в шахматной партии, когда пешка пошагово продвигается к позиции ферзя*). Казалось бы, любое из этих слов, стоящее в заглавии романа, рядом с фамилией главного героя, придавало бы заглавию семантику интриги... Не говоря уже о таких широко известных в шахматной терминологии словах, как «дебют» «миттельшпиль», «эндшпиль», «гамбит», «цугцванг». Как бы то ни было, ясно одно: «Защита Лужина» – это тонкая кружевная комбинация значимых мелочей. Мелочей, спрятанных автором как от читателя, так и от самого Лужина [Сакун, 1999].

Объяснение выбора Набоковым в качестве заглавия для «шахматного» романа термина «ЗАЩИТА» открывается, если кратко проанализировать шахматную жизнь Берлина второй половины 20-х годов XX столетия – с драматическими перипетиями борьбы за мировую шахматную корону тех лет. Берлин в конце XIX-го и примерно до начала 30-х годов XX-го столетия – это шахматная Мекка. В городе царит атмосфера шахматного ажиотажа, практически ежедневно проходят шахматные поединки, партии которых публикуются в прессе и

детально разбираются любителями. В берлинских кафе «Kaiserhof», «Kerkau», «Royal», в различных шахматных залах играют шахматисты и самых высоких рейтингов, и среднего уровня. Под вывесками всевозможных клубов, объединений, ассоциаций возникают различные группировки шахматных тренеров, аналитиков-инструкторов и лоббистов-функционеров.

Многие из них, тесно связанные с немецкой финансовой и предпринимательской элитой, оказывают сильное влияние на судьбу многих шахматистов. Это спонсорское влияние – порой открытое, но чаще скрытое – сильнейший регулятор шахматной жизни. По регламенту тех лет, именно претендент на поединок с действующим чемпионом мира должен собрать основную часть призового фонда и средства на оплату обслуживающего персонала – от уборщиков до секретарей и судей. Поэтому, если одни из таких «клубов», «объединений», «ассоциаций» могут выступать «лоббистами» какого-то шахматиста, то другие могут делать совершенно обратное. Как форма бизнеса, пыльным цветом расцветает деятельность шахматных антрепренеров, которая часто разрушительна для шахматиста: «Лужиным он (*Валентинов – А. Л. Ф. Д.*) занимался только поскольку это был феномен ... явление странное, несколько уродливое, но обаятельное, как кривые ноги таксы. Он показывал его, как забавного монстра, бога-

тым людям, приобретал через него выгодные знакомства, устраивал бесчисленные турниры» [Набоков, 2012, с. 24].

Берлинский шахматный клуб тех лет являлся сильнейшим клубом Германии. В 1925 году «Шахматная группа Шарлоттенбург», куда входили очень сильные немецкие шахматисты, преобразовывается в «Шахматную Ассоциацию Экбауэра». В немецких шахматных листках, бюллетенях, газетах и журналах постоянно печатаются анализы шахматных партий, сообщаются сведения о новых шахматных звездах, шахматных «вундеркиндах». Так, еще в 1896 году в немецкой шахматной периодике появляется сообщение о том, что в России, в Прибалтике, появился 9-летний очень сильный игрок. Имя этого шахматного вундеркинда – Арон Нимцович. «Он не просто забавляется шахматами, он священнодействует» [Набоков, 2012, с. 16].

И в немецких, и в русскоязычных самых разных изданиях германской столицы для взрослых и детей публикуются шахматные головоломки, композиции и задачи. Такие шахматные задачи, в качестве подработки, составляет и относит в редакции и сам Набоков. В 1925 году шахматный Берлин в восторге от двух только что вышедших из печати книг эмигранта, приехавшего в 1917 году из потрясенной революцией Российской Империи, рижанина Арона Исаевича Нимцовича. Эти две обстоятельные моно-

графии Нимцовича «Шахматная блокада» и «Моя система» сразу признаются международным шахматным сообществом и на многие годы становятся Библиями позиционной шахматной игры для поколений шахматистов разных стран мира. «Лужин что-то постиг, что-то в нем освободилось, прояснилось, пропала близорукость мысли, от которой мучительной мутой завлакивались шахматные перспективы» [Набоков, 2012, с. 37].

Эмануил Ласкер – второй чемпион мира по шахматам, который удерживал это звание более 27 лет (до 1921 года), тончайший знаток позиционных шахмат, которого справедливо считают родоначальником психологического подхода к шахматам, писал об этих книгах Нимцовича: «Нимцович – смелый пионер, уверенно пролагающий в дебрях шахматных возможностей новые оригинальные пути» [Нимцович, 1929, с. 5].

В 1926 году книга Нимцовича «Моя система» с подзаголовком «Учебник шахматной игры на совершенно новой основе» издается государственным издательством в Советской России и быстро становится раритетом. В декабре 1927 года в Берлине, в обстановке большого ажиотажа, проходит празднование 100-летия Берлинского шахматного общества. Апофеозом этих торжеств стало проведение с 4-го по 20-ое февраля 1928 года в Гражданском зале мэрии Берлина большого международного шах-

матного турнира. Партии этого турнира публикуются во многих немецких изданиях, ежедневно детально комментируются по радио. Обстановка и на самом турнире, и вокруг него, по замечаниям современников, имела очень сильную «политическую заряженность». Этот турнир в Берлине, как и предыдущие турниры последних лет, проведенные в немецких городах (в Мариенбаде в 1925 году, в Дрездене и в Ганновере в 1926) выигрывает Арон Нимцович. «Ваш соотечественник, – сказал фабрикант, указывая на него бровью, – знаменитый шахматный игрок. Приехал из Франции на турнир. Турнир будет в Берлине, через два месяца. Если выиграет, то вызовет чемпиона мира» [Набоков, 2012, с. 22].

Имя Нимцовича в эти годы – одно из самых популярных, известных и упоминаемых в прессе и на немецком радио – так же, как шахматные постулаты из его шахматных учебников. «Дебют Нимцовича», «Начало Нимцовича», «Защита Нимцовича» – эти слова витают в воздухе берлинских площадей, улиц, редакций газет и журналов – в воздухе, которым дышит уже признанный русский писатель Сирин. В эти же годы критика пишет о Сирине как об одаренном русском писателе-романисте, называя его писателем нового поколения. С признанием критики, с читательским успехом растут и гонорары Набокова. Если за первые публикации и даже книги они составляли

200–400 марок, то за роман «Король, дама, валет», напечатанном немецким издательством «Ulstein», Набоков получает 7 500 марок. С изменением финансового положения приходит к писателю уверенность в правильности выбранного стиля.

В этой обстановке Набоков создает роман, в образе главного героя которого переплетаются черты вундеркинда, мотивы личной драмы русского эмигранта на чужбине, трагедии одиночества одаренной личности. Прототипом образа Лужина, на наш взгляд, становится соотечественник, воспринимаемый Набоковым как земляк, имя которого у всех на устах, талантливый шахматист мирового уровня, человек с такими понятными Набокову-писателю странностями. Наверное, только судьбоносным совпадением можно объяснить синхронность выхода нового издания книги Нимцовича – шахматного шедевра под названием «Моя система» – и романа Набокова «Защита Лужина» в 1929 году. Именно в этот год шахматный рейтинг Нимцовича достигает исторического максимума в его шахматной жизни – 2 780.

С выходом книги Нимцовича «Моя система» в теории шахматных дебютных систем появляется дебют под названием «Защита Нимцовича» – это полузакрытое начало шахматных партий, в основном начинающих ходами: 1. d2-d4 Kg8-f6 2. c2-c4 e7-e6 3. Kb1-c3 Cf8-b4 [Нимцович, 2012,

с. 3]. «Выдержав испытание временем, защита Нимцовича остается одним из наиболее фундаментальных дебютов и в наши дни», – пишет российский гроссмейстер, участник соревнований претендентов на первенство мира М. Тайманов [Нимцович, 1929, с. 3].

Заслуга Нимцовича заключается в том, что именно он впервые ввел это шахматное начало в практику турнирных поединков. Основная нагрузка такого начала заключается в том, чтобы буквально с первого хода создать играющему белыми фигурами противнику ощущение психологического давления и дискомфорта, заставить его сразу занервничать, столкнувшись с неожиданностью, увести его от домашних наработок. Вот характерный фрагмент романа Набокова: «Еще накануне ему пришел в голову любопытный прием, которым, пожалуй, можно было обмануть козни таинственного противника. Прием состоял в том, чтобы по своей воле совершить какое-нибудь нелепое, но неожиданное действие, которое бы выпадало из общей планомерности жизни и таким образом путало бы дальнейшее сочетание ходов, задуманных противником» [Набоков, 2012, с. 66]. Слова Нимцовича: «Достойная альтернатива обладанию центром, – фигурное давление на него» – становятся и аксиомой для одних шахматистов, и предметом яростного неприятия такого утверждения для других. «Он готовился к берлинскому тур-

ниру с определенной мыслью найти лучшую защиту против сложного дебюта итальянца... Этот игрок, представитель новейшего течения в шахматах, открывал партию фланговыми выступлениями, не занимая пешками середины доски, но опаснейшим образом влияя на центр с боков» [Набоков, 2012, с. 25].

Итак, возникшие примерно в одно время, в одной и той же стране и даже городе название романа Набокова и название знаменитого шахматного дебюта Нимцовича воспринимаются как взаимосвязанные. Даже для непосвященного читателя или неопытного шахматиста словосочетания «Защита Нимцовича» и «Защита Лужина» обладают очевидной схожестью – подобно тому, как невольно обращают на себя внимание близнецы в многолюдном месте. Очень значительным фактором привлекательности для Набокова фигуры Нимцовича-шахматиста в качестве прототипа образа главного героя романа следует признать впечатляющий список участия и побед гроссмейстера в супертурнирах 20-х годов XX столетия в период до 1929 года. Это прежде всего турниры в Санкт-Петербурге (1922, 1923, 1924, 1928 гг.), а также в 1925 г. – в Мариенбаде, в 1926 г. – в Дрездене, в 1926 г. – в Ганновере, в 1927 г. – в Остзебад-Ниндорфе и Лондоне, в 1928 г. – в Берлине.

В годы Первой мировой войны Нимцович, житель Риги, находится в зоне боевых действий в Прибалтике. Чтобы избежать призыва на

войну, Нимцович симулирует сумасшествие, и в 1917 году переезжает в Берлин с ярлыком человека «не в себе». Нет сомнений в том, что такая «метка» остается в психике Нимцовича на всю жизнь и сильно отражается на его поведении и в быту, а также и во время шахматных турниров на глазах многочисленных зрителей. Современники указывают, что, когда в разговоре упоминалась фамилия гроссмейстера, это вызывало у многих «покачивание головы» или «многозначительную улыбку». И Нимцович знал это и мучительно переживал. Все это неоднократно приводило к тому, что Нимцович замыкался, отказывался от участия в крупных престижных турнирах, порой сулящих немалый призовой фонд, и на годы исчезал из поля зрения публики, с тем чтобы снова появиться в лучах славы новых шахматных побед. Не об этом ли пишет Набоков: «Нет ничего ненормального в том, что шахматист не является нормальным»? [Сосонко, 2003, с. 44].

Сам Нимцович говорил про себя, что он не может «солидаризироваться с другими в своих чувствах и настроениях, а, наоборот, невольно становится в оппозицию к обыденному» [Нимцович, 1929, с. 15]. И снова возникает вопрос, ответ на который не столь очевиден – разве это не Александр Иванович Лужин, с его странностями в поведении и в человеческом общении, «часто играющий один против человек двадцати» [Набоков, 2012, с. 24]. И сам

стиль игры, и острое понимание позиционных шахмат, и очень непростые отношения с шахматистами-соперниками, и неординарная эмоциональность поведения во время шахматных поединков, и высокая результативность в шахматных турнирах, и нескрываемые амбиции гроссмейстера, и его претензии на мировую шахматную корону не могли не привлечь писательского внимания Набокова к гроссмейстеру Нимцовичу – и как к высококлассному шахматисту, и как к человеку с уникальной, колоритной индивидуальностью. К этому следует добавить и такие естественные составляющие этого внимания, как интерес соотечественника к соотечественнику, земляка к земляку, российского эмигранта к российскому эмигранту, приехавшим в Германию примерно в одно и то же время.

Главное же, конечно, – общность Набокова с Нимцовичем в родном для них разговорном русском языке – на фоне нескрываемого нежелания писателя общаться на немецком. В пользу этого довода отнесем и проходящее постоянным фоном в психологическом состоянии писателя чувство ностальгии по родине. Четко выведенная в романе линия «напряженности» отношений Лужина с итальянским шахматистом Турати – своего рода «слепок» конфликтных отношений, переходивших в неприкрытую ненависть и постоянную вражду между гроссмейстером Нимцовичем и венгерским гроссмейстером Таррашем в

реальной жизни: «Турати, по темпераменту своему, по манере игры, по склонности к фантастической дислокации, был игрок ему родственного склада, но только пошедший дальше» [Набоков, 2012, с. 25]. Сам Нимцович писал: «...не будь чувства вражды по отношению к Таррашу, я никогда не научился бы настоящим образом играть в шахматы. Играть сильнее Тарраша – вот формула для всех моих вожделений» [Нимцович, 1929, с. 60].

В заключении отметим и факты личных встреч Набокова и гроссмейстера Нимцовича как шахматных партнеров. Пример такой встречи во время сеанса одновременной игры в берлинском кафе «Экитабль» – со слов самого Набокова – приводил его первый биограф, австралийский профессор Эндрю Филд, близко друживший с писателем в 60-е годы прошлого столетия.

Заключение

Есть что-то мистическое в том, что очень часто судьба автора литературного произведения в каких-то фрагментах жизни тесно переплетается с судьбой его героя. Гроссмейстер Нимцович дважды вплотную подходил к тому, чтобы взойти на мировой шахматный трон, но так и не стал чемпионом мира по шахматам. Набоков четырежды (1963, 1964, 1965 и 1966 гг.) включался в список номинантов на присуждение Нобелевской премии по

литературе, но так и не стал ее лауреатом...

Вынося за скобки устоявшиеся, но не вполне обоснованные версии о прототипах образа Лужина и приняв во внимание масштаб личности гроссмейстера Нимцовича, жившего рядом с Набоковым современника, разделявшего с ним в Германии социальный статус эмигранта с «нансеновским паспортом», наконец, на факте личных встреч Набо-

кова и Нимцовича, следует с высокой долей уверенности утверждать, что в качестве прототипа образа главного героя романа «Защита Лужина» в его «шахматной ипостаси» Набоков мог целенаправленно использовать образ гроссмейстера Нимцовича, автора оригинального шахматного начала, вошедшего в теорию и практику шахмат под названием «Защита Нимцовича».

Библиографический список

1. Берберова Н. Курсив мой. Москва : Согласие, 1996. 370 с.
2. Бойд Б. Владимир Набоков: русские годы: Биография. Москва : Независимая газета ; Санкт-Петербург : Симпозиум, 2001. 695 с.
2. Википедия, Защита Лужина. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Защита_Лужина. (Дата обращения: 20.08.2021).
3. Ласкер Э. Учебник шахматной игры. Москва : Моя книга, 2018. 351 с.
4. Леденев А. Поэтика и стилистика Набокова в контексте художественных исканий Москва, 2005. 44 с.
5. Набоков В. Защита Лужина. Москва : Азбука, 2012. 73 с.
6. Набоков В. Стихотворения. Санкт-Петербург : Академический проект, 2002. 656 с.
7. Набоков В. Строгие суждения. Москва : Азбука, 2012. 416 с.
8. Нимцович А. Моя система: учебник шахматной игры. 3-е изд. Москва : Физкультура и спорт, 1984. 185 с.
9. Нимцович А. Как я стал гроссмейстером. Москва : Шахматный Листок, 1929. 66 с.
10. Рябинин А. О бабочках, смайликах, и шахматах. Москва : Ревизор, 2017.
11. Сакун С. Шахматные секреты романа Набокова // Филологический бюллетень. РГУ. 1999. №9. 31 с.
12. Сосонко Г. Мои показания. Москва : Классик, 2003. 115 с.
13. Тайманов М. Защита Нимцовича. Москва : Физкультура и спорт, 1985. 384 с.
14. 64 – Шахматное обозрение. Москва, 1986. Август. 35 с.

Reference list

1. Berberova N. Kursiv moj = My italics. Moskva : Soglasie, 1996. 370 с.
2. Bojd B. Vladimir Nabokov: russkie gody: Biografija = Vladimir Nabokov: the Russian years: Biography. Moskva : Nezavisimaja gazeta ; Sankt-Peterburg : Simpozium, 2001. 695 s.
2. Vikipedija, Zashhita Luzhina = Wikipedia, The Defense. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Zashhita_Luzhina. (Data obrashhenija: 20.08.2021).

3. Lasker Je. Uchebnik shahmatnoj igry = Chess playing textbook. Moskva : Moja kniga, 2018. 351 s.
4. Ledenev A. Pojetika i stilistika Nabokova v kontekste hudozhestvennyh iskanij = Nabokov's poetics and stylistics in the context of creative search ... Moskva, 2005. 44 c.
5. Nabokov V. Zashita Luzhina = The Defense. Moskva : Azbuka, 2012. 73 c.
6. Nabokov B. Stihotvorenija = Poems. Sankt-Peterburg : Akademicheskij proekt, 2002. 656 c.
7. Nabokov B. Strogie suzhdenija = Strict judgments. Moskva : Azbuka, 2012. 416 c.
8. Nimcovich A. Moja sistema: uchebnik shahmatnoj igry = My system: a chess playing textbook. 3-e izd., Moskva : Fizkul'tura i sport, 1984. 185 c.
9. Nimcovich A. Kak ja stal grossmejsterom = How I became a grandmaster. Moskva : Shahmatnyj Listok, 1929. 66 c.
10. Rjabinin A. O babochkah, smajlikah, i shahmatah = On butterflies, smileys, and chess. Moskva : Revizor, 2017.
11. Sakun S. Shahmatnye sekrety romana Nabokova = Chess secrets in Nabokov's novel // Filologicheskij bjulleten'. RGY. 1999. №9. 31 c.
12. Sosonko G. Moi pokazanija = My testimony. Moskva : Klassik, 2003. 115 s.
13. Tajmanov M. Zashhita Nimcovicha = Nimtsovich's defense. Moskva : Fizkul'tura i sport, 1985. 384 s.
14. 64 – Shahmatnoe obozrenie = Chess review. Moskva, 1986. Avgust. 35 c.